Моё лицо полностью отражалось в тёмных глазах Чжэ Чауи. Я видел, как он перевернул руку, покоящуюся на подлокотнике, ладонью вверх. Не колеблясь, я протянул руку и положил её на его ладонь. Моя рука сжала его толстое предплечье, а локоть покоился в его ладони. Затем ткань перестала иметь значение. Пульс, стучащий на тыльной стороне руки Чжэ Чауи, звучал, как барабанная дробь, — так живо, так отчётливо, будто бился в моей груди.

Моё сердце билось в такт этому ритму. Среди этого покоя ледяное ощущение сжало мышцы плеч, и тонкие волоски на спине встали дыбом. Внезапно мурашки побежали по макушке.

Внутри меня переплелись моё и чужое. Мои собственные чувства были ужасно плохими, а те, что родились заново, оказались подобны нежному ветерку, которого я никогда не знал. Чужое было добрым, тёплым и мягким. Оно было щитом, подушкой, защитным барьером, который не позволял острым, отточенным клинкам пронзить моё солнечное сплетение.

Почувствовав, как широкая грудь Чжэ Чауи медленно расширяется, я глубоко вздохнул. Затем, когда наполненные лёгкие сжались, а напряжённая грудь опала, я выдохнул из себя весь воздух. Я вытолкнул все хорошие ощущения из себя, переправив их под кожу Чжэ Чауи.

В тот же миг под грудиной появились камни. Острые ощущения пронзили жизненно важные точки. Однако я не чувствовал боли. Настолько погружённый в Чжэ Чауи, я уже не мог отличить черноту его глаз от мутного цвета моего затуманивающегося зрения. Когда я понял, что могу упасть в обморок, было уже слишком поздно. Опустив плечи, я прижался головой к его бедру.

Даже когда сознание померкло от истощения, я не выпустил из рук его предплечье. До самого конца я был поглощён этим и чувствовал это. Настроение Чжэ Чауи взлетало… Старая боль, сгустившаяся в его сердце, полностью исчезла… Ужасный кошмар, состарившийся на сотню лет, подошёл к концу.

«Теперь я понимаю, зачем я здесь».

Чувствуя, как ткань ускользает из моих рук, ощущая, как кто-то гладит меня по голове, и слыша голос, зовущий «Сон Морэ» словно с похвалой, я думал:

«Вот как это бывает…»

Стать тем, кто нужен другому. Быть без скитаний и не быть одиноким…

***

Подняв тяжёлые веки, я очнулся. Такое чувство, будто я только что задремал и проснулся, а не потерял сознание или упал в обморок. Моё тело казалось примерно в полтора раза тяжелее обычного. Ощущение судорог в кончиках пальцев рук и ног и медленная циркуляция крови по всему телу были притупленными. Нахмурившись, чтобы прояснить мысли, ко мне приблизился Юн Хису.

— Сон Морэ-ним. Вы очнулись?

Реальность медленно возвращалась вместе с его добрым голосом. Подозрительные Врата, подражавшие голосу Чжэ Чауи, таинственная временная база со странным освещением, «настоящее» Проводничество, которое я испытал впервые, и…

— Да. Похоже, я ненадолго уснул.

Ответил я безучастным, тусклым голосом. Неведомая усталость и всепоглощающая сонливость, охватившая моё тело, были обременительны. Я задумался, не повлияли ли на меня Врата или не подхватил ли я какую-нибудь хворь, но Юн Хису, стоящий рядом со мной со сложенными за спиной руками, закатил глаза и заговорил:

— Это называется сверхподавлением. Вы истощили всё своё тело, обеспечив Ньютайпу больше Проводничества, чем было необходимо.

А, вот оно что… Я вспомнил тот момент инстинктивного понимания того, что я должен сделать для Чжэ Чауи и что я могу сделать. Я глубоко понял, почему никто не давал мне указаний, когда, что и как делать, когда меня отправили в мою первую командировку. Даже сделав это, я не мог точно объяснить, что это за «Проводничество» было. Это было то, что нельзя было объяснить или приказать другим.

«И всё же… я справился, правда».

Я чувствовал уверенность. Я отчётливо помнил, как отчаянно напрягался, не зная, сколько нужно, — словно выкачивая подземную воду из незнакомого колодца. Это был мой первый раз, то, чего я никогда не делал в жизни, поэтому я, должно быть, тайно волновался. Даже выливая всю свою энергию, я не осознавал, что переусердствовал.

«Я не ожидал, что просто засну…»

Даже в этом неловком состоянии я не жалел о содеянном. Тихо кивая, я разглядывал Юн Хису. Он смотрел на меня серыми глазами, улыбаясь лишь уголками губ, изогнутых в полумесяц.

— Где Чжэ Чауи-ним?

На мой вопрос Юн Хису быстро повернул голову. Глядя в белый туман за пределами временной базы, он пробормотал:

— Раз уж Проводник S-класса проводил Проводничество до обморока, как вы думаете, каково ему сейчас?

Э-э… Я не знаю. Разве так не должно было быть? Неужели моё чрезмерное Проводничество создало какие-то проблемы для Чжэ Чауи?

— Он парит в облаках — вот как.

Ах, значит, всё прошло хорошо. Я не понимаю, зачем он говорит это так нерешительно. Для меня, привыкшего ждать продолжения чужих слов, даже несколько секунд тянутся как вечность.

Пока я размышлял, Юн Хису слегка наклонил голову и заговорил:

— Эм, Сон Морэ-ним. Если вы уже отдохнули, могу я воспользоваться кроватью?

Только тогда я заметил, что лежу на кровати. Медленно моргнув, я убрал тонкое одеяло, прикрывавшее мою грудь. Всё ещё полусонный, я вытянул ноги из кровати и увидел Стража, лежащего на полу. Это была та самая женщина-Страж, которую Чжэ Чауи ранее притащил за воротник, как мешок. Проводник, принесённый вместе с ней, использовал свою ногу как подушку для её головы.

Я быстро спустился с кровати и бросился к бессознательному Стражу. Проводник — коренастый мужчина с шиной на сломанной правой руке — казалось, не мог перенести Стража в одиночку. Обменявшись с ним взглядом, я присел рядом. Осторожно просунув руки под талию и колени Стража, я мягко поднял её.

Даже делая это, я не забывал, что она — Страж с опасными способностями. Хотя она выглядела как обычный раненый человек, я был осторожен, опасаясь, что она может очнуться от движения. Я аккуратно собрал руки и пошёл как можно быстрее. Я положил Стража на пустую кровать как можно мягче и встряхнул одеяло, которое бесполезно прикрывало мою грудь.

Затем сзади раздался голос Юн Хису:

— У вас действительно есть сила, не так ли…?

От неожиданного замечания я просто моргнул. Я переложил её только потому, что не мог оставить бессознательную женщину на полу; это не было задачей, достойной похвалы. По сравнению с грузами по сто килограммов, которые я обычно носил по двадцать штук за раз, взрослая женщина казалась лёгкой как пёрышко. И всё же Юн Хису, казалось, был тронут моей маленькой помощью и снова заговорил мягким тоном:

— Смирительная рубашка, должно быть, очень тяжёлая. Вы впечатляете.

Я снова посмотрел на спящего Стража. Как и упомянул Юн Хису, под рукавами рубашки и манжетами брюк были видны коричневые ремни, похожие на снаряжение. Только тогда я заметил и других Стражей. Похоже, Проводники не надевали смирительные рубашки на раненых и бессознательных Стражей по одному — они все пришли в них, как в термобельё.

Осознав этот неизвестный факт, моя лёгкая симпатия к Стражам испарилась. Не зная, когда они могут впасть в панику и навредить кому-то, они добровольно приготовили смирительные рубашки, попросив доверенных защитников ограничить их свободу. Это напомнило мне большую собаку, которая приносит поводок хозяину, зная, что может случайно укусить и убить его…

Когда я отступил на два шага от спящего Стража, Юн Хису заговорил:

— Чжэ Чауи-ним сегодня был в свободном состоянии… и вы не принесли никаких наручников.

Его слова, звучавшие смутно доброжелательно, было трудно понять. Я пытался разобраться, но выражение «свободное состояние» всё ещё оставалось неясным. В буквальном смысле это означало «свободный»…? Насколько я видел, Чжэ Чауи всегда был в «свободном» состоянии, так почему же сегодня должно быть по-особенному, а завтра — нет?

Даже когда я размышлял над этим маленьким вопросом, я не стал возражать Юн Хису. Несмотря на его молодое лицо и мягкий шёпот, я чувствовал в его взгляде на меня нотку неодобрения, поэтому я держал рот на замке и ожесточил выражение лица.

Пока я молча укрывал Стража одеялом, Юн Хису продолжал:

— Я просто беспокоюсь. Если вы будете так переусердствовать, вы долго не продержитесь на этой работе. Каким бы выдающимся Проводником вы ни были, вы быстро ослабнете, а это нехорошо.

— …Да.

…Я чуть не сказал «Простите» по привычке, но остановился. Даже когда Чжэ Чауи не было рядом, мне казалось, что он появится в любой момент и свернёт мне шею, как только я произнесу эти три слова — «Я прошу прощения».

http://bllate.org/book/18111/1766246